

Андрей Абинский

РОЗАЛИНДА

Морские рассказы

Андрей Абинский

Розалинда. Морские рассказы

«Издательские решения»

Абинский А.

Розалинда. Морские рассказы / А. Абинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904502-7

«Розалинда» — это продолжение морских рассказов, опубликованных в книге «На флоте бабочек не ловят». Между дневниковыми записями вкраплены короткие рассказы о людях, посвятивших свою жизнь трудной морской работе. На стыке двух тысячелетий теплоход «Розалинда» совершает плавание в холодное Берингово море, посещает тропические острова и заканчивает свои дни в тёмных водах Японского моря.

ISBN 978-5-44-904502-7

© Абинский А.
© Издательские решения

Содержание

Рукопись, найденная в Сараголе	6
«Розалинда»	7
Из дневника	8
Любовь нечаянно нагрянет	12
т/х «Розалинда»	18
«Либертос»	20
Три тополя на Плющихе	21
Начальник радиостанции	23
Пароход «Либертос»	25
Французские бараны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Розалинда Морские рассказы

Андрей Абинский

© Андрей Абинский, 2018

ISBN 978-5-4490-4502-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рукопись, найденная в Сараголе

Недавно я приобрёл в Сараголе дачный участок. Шесть соток каменистой земли с ветхой хибарой под грушевым деревом. Бывшая его хозяйка, бабушка Дарья Филипповна, сказала:

– Дом хороший, крепкий, только половицами шибко скрипит и крышей течёт.

– Всегда течёт?

– Нет, только когда дождь...

Вступив во владение, я первым делом взобрался на чердак. По дороге спугнул какую-то птицу. Ржавая крыша светилась звездами многочисленных дыр. Лучи солнца пронзали железную кровлю и падали на пол золотыми брызгами. На гвоздях, висели дубовые веники с ломкими жестяными листьями. Под ними спрятался тяжёлый деревянный сундук.

В романах пишут: «С замиранием сердца он откинул дубовую крышку и...» Сокровищ там не было. Поверх бытового хлама я обнаружил жёлтую картонную папку, а в ней – общую тетрадь, исписанную до последней страницы. В тетрадь была вложена древняя авторучка с открытым пером. Вытекившие из неё чернила навсегда похоронили начало рукописи.

На другой день я позвонил Дарье Филипповне. Сказал про тетрадь.

– На что она мне? – ответила старушка. – Это Андрей, племян мой, в тетрадке что-то придумывал. Он, вот уж год, как в Австралию уехал. Дела у него там...

Два листа рукописи были безнадежно испорчены, поэтому повествование начинается так: «... июня я закончил обучение в мореходной школе и сразу стал взрослым...».

Далее, под детскими рисунками чаек и разлапистых якорей, ровным почерком были написаны занимательные истории из жизни бывшего моряка. Долгими зимними вечерами я переписывал эти рассказы. В результате получилась книжка «На флоте бабочек не ловят».

О чём бы человек ни писал, это рассказ о себе. А самое интересное – это, конечно, люди. Как-то в порту Малага, гуляли мы вместе со вторым помощником капитана Сергеем Лариным. Он любил древние камни и снимал видеокамерой развалины старинной крепости.

– Представляешь, по этим ступеням ходили рыцари! – с восторгом говорил Ларин. – Дон Кихот скакал на своём Росинанте!

– Это не здесь, – говорю, – это в Ламанче.

– Здесь, это в Испании, – пояснил ревизор.

– Купи открытки с видами крепости, – советовал я Ларину. – В Испании нужно снимать прелестных жёниц, детей и тореадоров.

– Снять жёницу, это дорого, – ехидничал Ларин. – Дети у меня свои есть. А тореадоры... Где ты их видел?!

К древним руинам я равнодушен. Мне нравятся живые объекты: грациозные испанки, ковбои в широких шляпах, кошки, собаки и дети.

Но мы отвлеклись.

Целый год мне не давала покоя вторая часть рукописи из Сараголы. Это были дневниковые записи о морских буднях мореплавателей, с указанием маршрутов, координат и описанием тропических островов. Между лаконичными датами и рабочими записками были вкраплены авторские рисунки и короткие истории о морских приключениях.

Итак, открываем первую страницу...

«Розалинда»

Из дневника

25 октября 1999 года.

Где бы взять денег? У меня закончился отпуск. Деньги в семье закончились ещё раньше. Хмурый инспектор кадров сказал:

– Пиши, Абинский, заявление на отпуск. Без содержания. На три месяца.

Кадровик сделал вид, что сочувствует моему горю.

– Потом, вероятно, отдохнёшь ещё месяца три, а там посмотрим... Сам понимаешь, пароходов осталось мало, а вас, радистов, много...

1 февраля 1999 года вступило в действие решение международной конвенции о системе ГМССБ. В этот день на флоте умерла морзянка. Её заменила спутниковая связь, не требующая знания древнего языка радистов.

Раньше говорили: «У нас два начальника – начальник парокходства и начальник радиостанции». Теперь должность начальника радиостанции стали называть совсем уж пошло – помощник капитана по радиоэлектронике.

Чтобы получить диплом радиоэлектроника, нужно было одолеть специальные курсы, подтвердить знание английского языка и, вдобавок, получить кучу «фантиков» – бумажек, удостоверяющих, что моряк прошёл обучение на различных тренажёрах, умеет бороться с водой и пожаром, владеет изолирующим противогазом, может опрокинуть перевёрнутый спасательный плот и сделать непрямой массаж сердца. Всё это требует времени и денег.

Моя жена, Клава, высказалась на этот счёт:

– Дипломов у тебя больше, чем у дурочки фантиков.

К ноябрю я прошёл обучение где только можно и в моём кармане была толстая пачка документов о квалификации: три диплома, шесть «фантиков» и международный медицинский сертификат, подтверждающий безукоризненное здоровье владельца.

И кому я нужен со всем этим добром?!

Я вышел из конторы, уселся на холодную трубу леера и закурил. Было зябко и сыро. С неба падали редкие снежинки. Бродячий пёс подошёл ко мне, равнодушно обнюхал мои ботинки и отправился по своим собачьим делам. «Дела наши – швах», – сказал я ему вслед.

Я стал прикидывать возможные варианты поиска работы. Их было не много – круинговая компания, дружеские связи в Службе связи и его величество случай.

26 октября 1999 года.

В круинге меня сразу отменили – своих радистов хватает. В Службе связи начальник и групповые инженеры искренне мне сочувствовали, но помочь ничем не могли.

Вечером позвонил мой знакомый, Сергей Иванович Вергасов, из технического Департамента:

– Андрей, радуйся, есть работа! – сказал он в трубку. – Нужно перегнать рыбачок из Посьета в Индию. На гвозди.

– Что за фирма? На каких условиях? – спрашиваю.

– Сам не знаю. Записывай телефон, там договоришься.

– Спасибо, Сергей Иванович, буду пробовать.

– Давай, дерзай и – удачи!

Я набрал телефонный номер. Длинные гудки. Никто не взял трубку.

10 ноября 1999 года.

Утром опять позвонил по телефону. Ответил спокойный густой бас:

– Компания Феско Трамп. Слушаю вас.

– Доброе утро. Меня зовут Андрей Степанович. Я начальник радиостанции. Ищу работу.

– Отлично, отлично, Андрей Степанович! – загудел уверенный голос. – Дипломы, сертификаты, медкомиссия при себе?

Человек говорил понятным языком. Это вселяло надежду.

– Всё есть, медкомиссия на год.

– Столько и не требуется. Достаточно трех месяцев. Лет вам сколько?

– Сорок с хвостиком.

– Отлично, отлично! Можете подойти завтра, к десяти часам?

– Конечно.

– Жертв революции 21.

– Офис?

– Позвоните, вас встретят.

Жертв революции – хорошее название для улицы. Но есть ещё лучше – Тупик Коммунизма.

27 октября 1999 года.

В десять часов я уже был у обозначенного здания. Панельный жилой дом, выложенный белой кафельной плиткой, четыре подъезда, во дворе ни души. Северный ветер шуршал по асфальту сухими опавшими листьями. Из ближайшей двери выглянул высокий мужчина в белой рубашке, покрутил головой и, увидев меня, приветливо помахал рукой:

– Андрей Степанович?

– Да, это я.

– Виктор Ильич, – представился он и пожал мне руку.

Ладонь была теплая и пухлая.

– Добро пожаловать, – сказал мой новый знакомый. – Уверен, мы с вами договоримся.

Шагая через две ступеньки, Виктор Ильич провёл меня на второй этаж и распахнул железную дверь. Я успел заметить, что на двери отсутствует табличка с названием компании.

Мы вошли в обычную квартиру. Избытка мебели не наблюдалось. В середине комнаты стоял круглый стол на фигурных ножках. Рядом – коричневый угловатый сейф. У стены – диван под черным обшарпанным дерматином. Низкое кресло и два стула дополняли мебельный гарнитур. За столом сидел маленький рыжий человек в строгом костюме и тропическом галстуке. Сквозь толстые линзы очков он что-то высматривал на экране компьютера.

– Салют, компаньеро! – сказал рыжий, не отрываясь от монитора.

– Игорь Савельевич говорит на восьми языках, – шёпотом пояснил мне Виктор Ильич.

– Буэнос диас, – ответил я на испанском.

Рыжий наморщил лоб и поднял брови. Его очки автоматически подпрыгнули вверх. Он улыбнулся:

– Гарно, хлопец! – сказал Игорь Савельевич, вероятно, на восьмом языке. Потом добавил на фене: – Ложи ксивы на скатерть.

Скатерти на столе не было.

Я вынул свой пакет документов и Игорь Савельевич быстро пролистал нужные страницы. Было заметно, что в бумагах он разбирается. Я молчал и терпеливо ждал.

- Я сам из пароходства, – наконец сказал рыжий. – Капитана Смашнёва не встречали?
- Не довелось.
- Капитан Смашнёв – это я.
- Очень приятно.

Капитан раскрыл мой паспорт моряка.

- «Мореходку» пропишете по судну, – сказал он. – Этим займётесь завтра.

Тоже знакомый лексикон. «Мореходкой» часто называют паспорт моряка. Чтобы моряка выпустили за кордон, нужно внести в паспорт название судна. Делается это в конторе капитана порта.

Я осмелился сказать:

- Феско Трамп – незнакомая компания. Никогда не слышал.
- Ничего удивительного, – заявил Игорь Савельевич. – Мы недавно зарегистрировали фирму и сейчас пребываем в стадии развития.

Он вынул из папки лист бумаги и помахал перед моим носом:

- Вот сертификат, вот подпись губернатора, вот факсимиле Лазуткина.
- Лазуткин, это...
- Глава Роскомимущества по Приморскому краю. Убедительно? – спросил Игорь Савельевич и просверлил меня взглядом сквозь очки.
- Йес, – ответил я. – Что от меня требуется по работе?
- Работа по специальности, для профессионала, ничего из ряда вон...

Я насторожился. Когда тебя называют профессионалом, то часто хотят изнасиловать.

– Если коротко – в Посьете на отстое ржавеет СРТМ «Кандалакша». Твоя задача, – рыжий перешёл на «ты», – запустить аппаратуру и предъявить судно Регистру. На один переход. Потом добежать до Бомбея, выбросить судно на берег и, самолётом – домой. Все служебные расходы, гостиница, питание и перелёт, естественно, за счет компании.

- Хорошо бы получить аванс, – говорю. – Я несколько поиздержался в отпуске.
- Расчёт потом, когда вернёшься из командировки. Выдам тебе три штуки вот из этого сейфа.

Смашнёв пнул ботинком угол сейфа. Раздался звук пустого железного ящика.

- Три тысячи долларов? – уточнил я.
- Именно. Неплохо, за два месяца работы?!
- Мне надо подумать, – говорю.
- Думай, но не долго, – сказал Смашнёв. – Документы пока оставь у нас.
- Всё своё ношу с собой, – возразил я, рассовал бумаги по своим карманам и вежливо попрощался: – See you tomorrow!

Вечером я обсудил ситуацию с Клавой. Моя милая – трезвый прагматик и я всегда сверяюсь с её мнением. Но решаю проблемы, конечно, сам. Должность обязывает...

Клава высказалась однозначно:

- Не пушу! До Индии, мой милый, ты доплывешь, а назад вряд ли вернёшься. И станешь ещё одной жертвой революции. Потому что конторы на Жертв революции уже не будет. И плакали твои денежки, и я тебя не дожусь. А я тебя всё ещё люблю...

И на том спасибо.

- Твой Смашнёв – жулик! – категорично заявила Клава. – К тому же, он рыжий. А рыжие чаще других бывают проходимцами.

Вот так, коротко и ясно.

С Клавой мы прожили уже двадцать лет и познакомились при весьма забавных обстоятельствах. Как-то я рассказал об этом своему другу, боцману Варенникову.

– Из этой истории можно придумать хороший рассказ, – сказал боцман.

А чего его придумывать? Вот как это было.

Любовь нечаянно нагрянет

Как много девушек хороших,
Как много ласковых имён,
Но лишь одно из них тревожит,
унося покой и сон...
Леонид Утёсов

Я доплыл до буйков и ухватился за тёплый рым, чтобы передохнуть. Оранжевое солнце медленно тонуло в море. Окна домов на далёком берегу ещё играли бликами отражённого света. Над городом струился тёплый воздух остывающего асфальта.

«Солнце красно к вечеру – моряку бояться нечего», – сказал я себе и поплыл к берегу. Дикий пляж у Маяка был пуст. Только на камнях примостился запоздалый рыбак и вдоль кромки воды бродила одинокая девушка.

На серой гальке лежало моё беспризорное полотенце. И – больше ничего! Исчезли мои голубые джинсы, футболка с изображением «Битлов» и целая пачка сигарет. Жуткая потеря для нищего студента. «Опаньки!» – сказал я себе и стал оглядываться вокруг. Однако кроме коряги, выброшенной прибоем, ничего на пляже не обнаружил. Да, ещё девчонка. Она остановилась рядом и зябко ёжилась, обхватив руками острые плечи. Два пестрых треугольничка прикрывали несуществующую грудь. Мокрый купальник не спасал от вечерней прохлады. К тому же, девчонка ревела.

– Ты чего? – спросил я.

– Платье украли, – ответила она сквозь слёзы. – Вернее, сарафан, из Сингапура.

– А у меня джинсы спёрли, – говорю, – между прочим, из Японии.

– И книжка пропала, «Сказки Андерсена». Самое главное, книга не моя, чужая.

– Ты уже читать умеешь? – простодушно спросил я. – Как тебя зовут?

На вид девочке было не больше тринадцати.

– Клава, – сказала Клава и улыбнулась.

Огромные глаза, аккуратный носик, детский овал лица. Тогда я ещё не знал, что проживу под эти взглядом всю оставшуюся жизнь.

Я протянул Клаве своё полотенце. Оно было сухое и теплое. Девушка обернула его вокруг талии.

– Пойдём домой, – говорю. – Ты где живешь?

– На Второй Флотской... Это через весь город.

– В вашем городе такси бывают?

– Вы всё шутите, – упрекнула меня Клава. – Такси у нас есть, а вот денег у меня нет.

– У меня тоже, – говорю, – последнюю сотню свистнули.

Почему я вру? Наверное, хотелось выглядеть солиднее. На самом деле в кармане моих джинсов оставалось копеек тридцать.

Я взял Клаву за руку и повел вверх по тропинке. У неё была узкая теплая ладонь. Острый щебень колот голые подошвы. Девушка часто останавливалась, чтобы поправить сползающее полотенце.

Потом мы долго ловили такси. За это время я узнал, что Клаве уже шестнадцать, она студентка и через три года будет учителем.

– Я люблю детей, – сказала Клава.

– Я тоже. Цветы жизни...

На самом деле, я ещё не знал, люблю ли я детей, пока не появились свои. Однако процесс их изготовления мне всегда нравился.

Таксист оказался суровым:

– Тряпку под задницы постелите, – сказал он. – Мокрые, как лягушки.

Мы так и сделали.

– Мама будет ругать за платье? – спросил я, когда машина тронулась.

– Будет, – ответила Клава. – Но, не сильно. Больше за босолапки – вчера только купили.

А вы где живёте?

– В «бурсе», на Эгершельде. Будущий Кренкель.

– Крендель?! – засмеялась Клава. – Ну и фамилия!

– Кренкель, радист, – пояснил я Клаве.

– В вашей мореходке я никого не знаю. У меня много друзей из ТОВМУ.

ТОВМУ – это военно-морское училище. В то время девушки охотно выходили замуж за молодых флотских офицеров.

Наконец мы подъехали к дому тринадцать. Для меня это число счастливое. Я даже родился тринадцатого. Правда, однажды едва не утонул вместе с пароходом в пятницу, тринадцатого...

У подъезда Клава оставила меня заложником и скоро вернулась, чтобы отдать шофёру рубль за проезд.

– Мама приглашает вас в гости, – сказала она.

– С удовольствием, – говорю, – но, как же я без смокинга?

– Я уже всё рассказала. Мы найдём вам одежду.

Мама Клавы, Зинаида Петровна, встретила меня, как родного. Я страшно смутился, однако, не отказался от теплого душа. А Зинаида Петровна просунула мне в щель стопку одежды – спортивный костюм и даже новые семейные трусы с биркой: 1 руб. 12 к.

Потом пили фруктовый чай с пирожками. Клава в розовом халате повзрослела, смущалась и часто поправляла ворот на груди. Я рассказывал про Сахалин, Камчатскую Паратунку, японцев в Стране восходящего солнца, и про корейцев в Стране утренней свежести.

Мне дали рубль на дорогу. Я не смог отказаться. Не чесать же через весь город пешком... Чьи-то домашние тапочки были мне в пору. У двери мама подозрительно сказала:

– Вещи можете не возвращать.

Прошло три года.

Однажды я зашёл в кафе «Льдинка» побаловать себя мороженым. Вечером в этом заведении постоянный аншлаг и все столики были заняты. Я высмотрел в углу пустое кресло и испросил разрешения присоединиться к компании.

Компания состояла из трёх человек – широченной спины с лейтенантскими погонами и двух симпатичных девушек, которых я видел в профиль. Подошла официантка. Не заглядывая в меню, я сделал заказ.

Девушки щебетали и весело смеялись. Вспоминали какого-то Борю, который по неосторожности сел в холодец и какую-то Козу, которая совершенно напрасно вышла замуж за этого дурацкого мичмана.

Я старался не мешать разговору и отодвинулся подальше, к стене. В то же время пытался угадать, какая из девушек принадлежит лейтенанту. «Наверное, эта бойкая, которая постарше», – решил я. И не угадал.

– Мне кажется, мы где-то встречались, – сказала вдруг младшая, обращаясь ко мне.

Не один раз я задавал такой вопрос девушкам в надежде на знакомство. Но, чтобы мне...

На меня смотрели знакомые глаза. В них прыгали чёртики. В одну секунду память прокрутила ускоренное кино: пляж, маяк, пигалица в мокром купальнике. За три года гадкий утёнок превратился в прекрасного лебедя.

– Клава?! Неужели это вы? – неуверенно спросил я.

– А вы – Андрей, – сказала девушка и наморщила носик.

Ещё в первую встречу я заметил – Клава забавно морщила носик перед тем, как засмеяться.

Принесли мой заказ, «Морозик» – три грибка со шляпками из коричневых гренок.

– А тапочки я так и не вернул, – с деланным смущением сказал я.

– И трусы тоже.

Лейтенант с подозрением покосился на меня.

– Я их надеваю по праздникам, как добрую память.

– Опять вы шутите! – засмеялась Клава.

– Сегодня как раз такой день. Могу предъявить...

Лейтенанту не понравился наш разговор.

– Что за дела? – хмуро спросил он.

Тут мы наперебой начали рассказывать, как оказались нагишом на пляже и как потом добирались домой. Я упомянул вкусные пирожки Зинаиды Петровны и свой рублёвый долг за такси.

– Я была в вашей «бурсе», – сказала Клава. – Спрашивала Кренкеля.

– И?

– Там сказали, что радист Кренкель сейчас дрейфует на льдине, на Северном полюсе. И хохотали при этом...

– Потом расскажу про Кренкеля. Мы с ним коллеги.

Лейтенант заскучал, потом расправил могучие плечи и потянулся. Я услышал хруст его суставов.

– Мне на вахту, – лениво произнёс он. – В семь – разводка.

– Нюсик, проводи Ромашку, – легко сказала Клава: – Мы с Андреем продолжим банкет.

Лейтенант встал и протянул мне руку:

– Роман.

– Андрей.

Потом Рома надел фуражку и поднёс ладонь к козырьку:

– Честь имею!

Нюсик и Ромашка вышли. Клава не посмотрела им вслед.

– Серьёзный парень, – сказал я.

– Угу. И жадноватый.

– Да ну...

– Мог бы и расплатиться. А у меня денег нет.

– Деньги – не проблема, – говорю. – Давай продолжим в «Арагви»?

– Я была только в «Зеркальном», на свадьбе у Козы.

– Кто это, Коза?

– Любка Казанцева, подружка. Приспичило ей.

– А лейтенант, он твой...

– Приятель.

– Друг?

– Я же говорю – приятель, – с лёгким нажимом ответила

Клава: – Ромка, он жутко серьёзный. Правильный и совершенно без недостатков.

– Девушкам нравятся хулиганы, – говорю. – Значит, у меня есть шанс.

– Ты мне сразу понравился, – с детской непосредственностью ответили Клава. – Ещё там, на берегу. А я тебе?

– Ты была прелестным ребенком. А я всё-таки на шесть лет старше...

– А теперь?

– Лучше девушки я не встречал, – честно признался я.

Я взял её ладони в свои. Наши глаза встретились. И мы, конечно же, сразу полюбили друг друга.

28 октября, четверг, 1999 года.

Когда я пишу в дневнике, у меня меняется почерк.

Утром я позвонил в Феско Трамп:

– Игорь Савельевич, я в принципе согласен. Одно условие – мне нужен аванс, хотя бы тысячи полторы.

– Не получится, – ответил капитан без малейшей задержки. – В нашем стандартном договоре аванс не предусмотрен.

– Как исключение, в качестве подъёмных? – цепляюсь я.

– К сожалению – никак.

– Тогда я – пас.

– Что ж, если передумаешь – звони.

Длинные гудки...

29 октября, четверг, 1999 года.

Нужное объявление мне нашла Клава. В желтом листке газеты «Дальневосточный Курьер». Она сказала:

– Компании «Бананас унд Электроникс» требуются радиоспециалисты. Гарантируется достойная зарплата.

Я взял у Клавы газету. Мелким курсивом там было написано:

«Компании „Bananas & Electronics“ срочно требуются капитаны, механики, помощники капитана по радиоэлектронике, матросы и мотористы для работы на рефрижераторном судне. Зарплата достойная. Адрес, телефон...»

– Звучит причудливо, – говорю, – смесь бананов с электроникой. Но, есть адрес. Это уже обнадёживает.

– Позвони, – сказала Клава, – тебя там ждут с нетерпением.

– Нет, милая, нанесём визит неожиданно, – говорю я. – Застанем их врасплох. Благо это рядом, в здании картинной галереи.

В последний раз я был в картинной галерее в незапамятные времена, когда поступал в мореходку. Там были картины с морем, чайками и крылатыми парусниками. И единственное полотно Айвазовского с прозрачными зелёными волнами в кровавых отблесках заката. Сейчас там экспонировались репродукции с картин знаменитого сюрреалиста Сальваторе Дали.

В полутёмном зале галереи не было ни души. Откуда-то появилась интеллигентная старушка с папироской в руке.

– Десять рублей, – сказала она.

– Мне бы в пароходную компанию, – говорю.

– А... бананасы. Это на втором этаже.

Фирменная вывеска оказалась солидной. Под стеклом, на чёрном фоне, золотыми буквами было написано: BANANAS & ELECTRONICS.

Я толкнул дверь и вошёл без стука.

В офисе было три стола, два компьютера и три человека. Двое были в форменных кителях с погонами капитана и старшего помощника. Третий был одет в тесный кожаный пиджак. Он что-то писал, низко склонившись над бумагой. Позже я узнал, что это наш будущий старший механик.

– Добрый день, – говорю, – я начальник рации, по объявлению.

– Присаживайтесь, – предложил мне капитан.

Капитан был среднего роста, с круглым животиком и аккуратным ёжиком седых волос. Я его раньше где-то видел, но не сразу смог вспомнить.

– Соломин, – представился капитан, – генеральный директор.

В то время все начальники были президентами или, как минимум, генеральными директорами.

– Абинский, Андрей Степанович, – говорю я, – а вы – Валентин...

– Николаевич.

Валентин Николаевич откинулся в кресле и уставился на меня.

– Где-то встречались?

– Лесовоз «Сунгари», второй радист.

– Ух ты! Сколько времени прошло! – улыбнулся Соломин. – Вспомнил, вспомнил тебя, Маркони!

Я тоже вспомнил Соломина. Он тогда был третьим помощником и после вахты навещал мою соседку, буфетчицу Лилю. Лиля при этом визжала от восторга и мешала мне спать. А Валька имел наглость спросить утром:

– Ты ничего, Андрюха? Бессонница не мучает?

– Иди ты!..

У Соломина был легкий характер.

– Только-что мастер раздолбал, – часто жаловался он в то время. – Главное, что ни за что! Через три секунды Соломин уже забывал об обидах и довольно улыбался.

Сейчас Соломин повзрослел, раздобыл, но улыбка осталась прежней.

– Нужен опытный начальник, – уже по-деловому сказал он. – Пароход, Андрей, хороший, аппаратура – последний писк моды, «Сараком» называется. Встречал такую?

– Ни сном, ни духом, – честно признался я.

Тогда я не подозревал, сколько кровушки выпьет у меня это железо.

– Ерунда, освоишь! В пароходстве тебе сколько платят? – спросил Соломин.

– Большой вопрос, – говорю, – если всё сложить, получится долларов шестьсот.

– Я буду платить тысячу, – сказал генеральный директор. – Плюс, подработка на рыбе, – Согласен?

– Согласен, – без колебаний ответил я. – Как называется судно?

– Красавица «Розалинда».

т/х «Розалинда»

Название и тип судна: «Розалинда», грузовой рефрижератор.

Судовладелец: «West Shipping & Co»

Порт приписки: Пусан (Корея)

Год и место постройки: 1971 г., Гданьск (Польша)

Позывной: W4CKL

Длина наибольшая: 119,71 м.

Длина регистровая: 110,71 м.

Высота борта на миделе: 11,2 м.

Ширина наибольшая: 17 м.

Максимальная осадка: 7,3 м.

Регистровый тоннаж: брутто 5244 рег. тонн, нетто 2287 рег. тонн.

Дедвейт: 4228 т.

Водоизмещение порожнем: 4130,1 т.

Мощность ГД: 8400 Э.Л.С. = 6180 квт.

Скорость макс.: 14,5 узлов.

Осадка: 7,3 м.

Судовые запасы:

Тяж. топливо: 970 т.

Дизельное: 245 т.

Вода пить.: 30 т.

Вода мыть.: 277 т.

Мин. экипаж: 23 чел.

Макс.: 37 чел.

2 декабря 1999 года.

Перелёт.

Долго собирались в конторе. Всего нас было пять человек: старпом Игорь Соломин, матрос Богдан, второй механик, стармех и я.

Приехали в аэропорт. Сразу регистрация, таможня, посадка в самолёт. Воздушный лайнер МД-47 корейской авиакомпании вылетел точно по расписанию, в 15:15 местного времени.

В полёте кормили один раз. Остался голодным. Через два с половиной часа приземлились в Сеуле. Пассажиры при этом хлопали в ладоши. Наверное, радовались, что долетели живыми.

Опять таможня, получение багажа. Оказалось, что потеряли сумку старпома. А в сумке — все его документы и теплые вещи.

Нас встретил кореец, агент Ли, весёлый и разбитной парень. С его помощью дозвонились до Владивостокского аэропорта. Оказалось, что сумку нашли и передали в милицию. Потом её забрала жена старпома.

Из Сеула летели на здоровенном аэробусе. Семь рядов кресел, два прохода, народу – битком. На большом экране карта полёта, высвечиваются все данные: высота, скорость, координаты.

Потом автобус подвёз нас прямо к трапу. Дела принимал минут десять, не больше. После чего старый начальник, Саша Прощенко, помахал мне ручкой и уехал домой.

Сразу отшвартовка, и – вперёд!

Свою походную сумку я бросил в каюте и сутки туда не заходил. Нужно было срочно передавать отходные РДО.

Терминал радиостанции, «Сарако», Корейско-Минско-Севастопольской разработки я видел впервые. Два компьютера. Один для станции спутниковой связи Инмарсат-С, другой – для радиотелекса. Идиотская азиатская логика интерфейса. Всё на платформе Windows и постоянно виснет. Описание скудное и на английском. Это ничего, по-английски мы разумеем.

Только к утру мы нашли с этим железом общий язык и со скрипом начали понимать друг друга. Выходная мощность передатчика 200 ватт. Даже на древнем пароходе «Либертос» передатчик был круче – 250 ватт!

Кстати, о «Либертосе». С вашего позволения меняю почерк...

«Либертос»

Три тополя на Плющихе

Вдоль широкой палубы «Либертоса» гуляли трое.

- Три тополя на Плющихе, – сказал, глядя на них, старший помощник.
- Вернее будет – три дуба, – добавил ревизор.
- Святая троица, – говорю я.
- Дубовая роща, – уточнил чиф.

В середине выступал капитан, Виктор Антонович Вагнер. Могучий, как дуб, с причёской под Ленина. Слева от него семенил первый помощник, Вячеслав Климович Бройко. Комиссар был короткий, кривоногий, с плечами разной высоты. По правую руку шествовал старший механик, Борис Зурабович Садыков. На поворотах его заносило инерцией солидного живота.

Главный дуб запнулся о деревянную балку, лежащую поперек дороги.

- Мать их за ногу, этих матросов! – сказал мастер. – Хлев на палубе!
- Наберут сачков на флот! – поддакнул комиссар. – Вот в старое доброе время...
- В старое время я бы их под плитами сгниил, – мстительно заявил дед.
- Дошли до бака, повернули обратно. На обратном пути запнулся уже стармех:
- Так разэдак, этих рогатых!
- Устрою им завтра шлюпочную тревогу, – сказал кэп.
- Заодно и пожарную, – хихикнул комиссар.

Никто из них не догадался отбросить горбыль в сторону.

На корме дымила железная труба камбуза. Капитан повел носом:

- Картофель жарят к ужину.
- Ну, у вас и обоняние! Редкое обоняние, Виктор Антонович! – залебезил помполит. –

Пора готовиться к трапезе.

- Кто нынче наливает?
- Замполит, – сказал стармех. – Его очередь.

Первый помощник был из военных и дед дразнил его замполитом. Однажды, помполит увидел в моей каюте портрет Хемингуэя. Спросил:

- Кто это, твой дедушка?
- Папа Хэм, – говорю.
- Видный у тебя папаша. Не то, что сынок...

Капитан был барин и редкий зануда. К тому же бабник (жизнелюб) и поклонник Бахуса. Бывало, на переходе он выпадал из процесса на несколько дней.

Старпом, Сан Саныч Клийман, тоже был не прочь выпить. Как у Довлатова: «Сначала думали, что еврей, оказался нормальный, пьющий человек»

Чиф говорил: «Главное, выйти из виража на день раньше папы!» Однажды он не угадал и стал врагом мастера №1.

Я, второй радист, стал врагом №2. Как-то занёс мастеру радиограмму. Подождал, пока барин прочтёт её и, слава богу, если не найдет опечатки.

Кэп брезгливо выпятил губы, посмотрел на палубу сквозь очки и проворчал:

- Наследили мне тут. Возьмите тряпку и вытрите пол, как следует!

Перед тем, как выйти я сказал:

– Щас, только переобуюсь!

– Куда вы?! – услышал я в спину, когда поднимался в радиорубку.

Третью неделю мы парились на рейде Хайфона. Во Вьетнаме недавно закончилась война. На внешнем рейде ожидали выгрузки несколько пароходов. Они привезли братскому народу продовольствие, технику и строительные материалы.

Город сквозь тропическую дымку выглядел серым и неподвижным. По заливу неспешно курсировали древние фелюги с жёлтыми бумажными парусами.

На баке и корме дежурили вооруженные пограничники. Опасались ночных грабителей. Бандиты промышляли воровством капроновых канатов и тащили всё, что плохо лежит. В этом случае бойцы стреляли без предупреждения. Их старший офицер питался в кают-компании. Входя в помещение, он здоровался: «Пошёл в жопу!» Встретив женщину, говорил: «Давай трахаса!» Русским выражениям его научил второй помощник.

Начальник радиостанции

Как известно, у нас два начальника. Начальник парокходства и начальник радиостанции. Вторым был мой босс, Юрий Никитович Орлов. Начальник всегда командовал, а руками действовал конечно я, второй радист. И, как говорится, с нашим удовольствием. Большая удача, когда хобби из детства становится твоей профессией. И деньги за это платят. Хорошие, но мало...

Орлов был классным оператором, но с техникой не дружил. На самодельной «вибре» он выдавал запредельную скорость и как заяц на барабане, стучал по клавишам пишущей машинки. Впоследствии эту способность он использует, помогая комиссару писать доносы.

С «железом» у начальника было хуже. При любой неисправности, Никитич первым делом начинал трясти аппарат или стучать по нему кулаком. Модулятор «Дона» он обычно воспитывал пинками.

Тем не менее, я был благодарен начальнику – он не корил меня за малую скорость передачи и всегда выручал, если береговые операторы возмущенно стучали: «QRQ» или «QRZ ШРМ». На языке радистов это означает: «Передавай быстрее или позови начальника!» Меня это сильно било по самолюбию.

После швартовки у начальника было два занятия. Первое дело – сколачивать деревянные ящики для цветов. В них докторина высаживала экзотические растения, выкопанные тут же, у забора. Второе – оказывать дружескую помощь коллегам с одесского парохода «Коммунист». Там ремонтировали радиолокатор. Утром с «Коммуниста» прибежал радист:

– Никитич, без вас не получается, без вас – никуда!

На «Коммунисте» работал кондиционер и к обеду там собирались три-четыре начальника с соседних пароходов. После консилиума Никитич приползал едва живой. Утром он болел и жалобно стонал: «Всё, сегодня не пойду... сколько можно?» Тут же появлялся гонец с одессита: «Никитич, без вас – никак!»

К неисправности чужого радара добавилась ещё одна проблема. Повариха, Оля Балиж, однажды побывала на «Коммунисте» и насмерть влюбилась в ихнего начальника. Я его видел. Крепкий сибирский парень с крупным носом и щегольской бородкой. А поскольку женщинам запрещалось гулять в одиночку, Ольга выбрала сопровождающим моего начальника. Оля приходила в радиорубку, грела бедром косяк и жалобно скулила:

– Никитич, ну пойдем...

У неё были влажные коровьи глаза.

– Не пойду! – верещал начальник. – Сильно занят! Блинд у меня, блинд!

– Ну... так сразу и выражаться, – обижалась девушка, – пойдем, Никитич...

Блинд – от английского blind – слепой. Означает приём радиogramм без подтверждения. Во Вьетнаме передатчики выключали и опечатывали и мы принимали депеши методом быстрого действия, по расписанию.

Я выручал бедную женщину:

– Гуляйте, Никитич, – говорю, – я за вас поблиндную.

Ольга задохнулась от радости:

– Вот-вот, пусть Андрюха вас заменит. Всё равно бьёт баклуши целыми днями.

– Не баклуши, а хреном груши, – поправил её начальник. – Это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Довольный своей остротой, начальник смягчился:

– Ладно, жди меня на трапе. С тебя рюмка «тропикана».

– Будет, Никитич, будет! – подпрыгнула Ольга и поцеловала меня в затылок.

Я-то тут при чём?!

Однажды, начальник вернулся из эскорта злой и с порога заверещал:

– Шлюха! Бл... Потаскуха!

– Об чём это вы, Никитич?

– Привёл эту сучку на случку, – заговорил стихами Орлов. – А начальник в отлучке. Пока искал клиента, её уже чиф прихватил. Шлюха, проститутка!

– Вам-то что, – успокаивал я шефа, – лишь бы человек был хороший. Детей не все любят, но сам процесс...

А в общем, мы неплохо ладили с начальником и где-то дополняли друг друга.

Пароход «Либертос»

Суда типа «Либерти» строили в Штатах во время войны. Клепали их буквально за три недели. Грузили ленд-лизскими товарами и отправляли через Атлантику в составе конвоев. Пароходы были рассчитаны на один рейс, но прослужили у нас, в Союзе, более тридцати лет. На баке, корме и крыльях ещё остались фундаменты от спаренных «Эрликонов».

Я даже знаю имя одного из строителей. D. R. Green – было написано суриком под фанерной обшивкой подволока.

«Либертосы», доживали последние дни и пароходство не тратилось на их оборудование и ремонт. Прошёл достоверный слух, будто бы наш лайнер собираются отправить в Ригу и там распилить «на гвозди». Потом посчитали количество цементных ящиков в трюмах и решили, что до Риги он не дотянет. Мы сделали два рейса на Вьетнам, после чего «Либертос» приткнули к берегу на Улиссе и потихоньку кромсали в течение года.

Кондиционера на судне не было. В тропиках пароход раскалялся, как утюг. Ночью донимали комары, а в коридорах встречались чёрные крысы, размером с телёнка. Про тараканов я уже не говорю. В каждой каюте стояли ловушки – литровые банки, смазанные изнутри, у горла, сливочным маслом. К утру в них шуршала стая рыжих прусаков.

Экипаж на судне тоже был разовый. Половина блатных (еще бы, рейс в Ригу!) и половина таких новобранцев, как я. Никаких покрасочных или ремонтных работ не велось. Самая жуткая кара для матросов – пилить дрова для камбузной печки.

Обычно я обитал в радиорубке. Бывало, засыпал в кресле с наушниками на голове. Учился передавать на электронике левой рукой, а на «паровике» долбил правой.

Кроме того, пытался оживить древний радиолокатор «Нептун». Он больше года стоял холодный, как памятник. Это мне удалось, на экране появилась чёткая картинка. Правда, лавры за эту победу начальник простодушно присвоил себе.

Никитич любил обсуждать женщин и делился со мной впечатлениями: «На „Коммунисте“ девки – просто жиртрест. Не на что приятно посмотреть. Недаром ихний начальник на Ольгу запал!».

Я знал, что мой босс равнодушен к буфетчице. Её звали Эля. Маленькая аккуратная девушка с белой кожей. Про неё он говорил с восхищением: «Такая девочка, такая попка!»

Однажды, вечером, Никитич заглянул ко мне и возбуждённо прошептал:

– Андрюха, одолжи бутылку. Эля, вроде как, соглашается.

Каждые три дня нам выдавали тропическое довольствие – по бутылке хорошего венгерского вина «Рубин». Его называли «тропиканом».

– На святое дело не жалко, – говорю.

– Отдам при следующей выдаче, – сказал босс и исчез.

Через час Никитич нарисовался снова:

– Дай ещё одну. Не дошла до кондиции...

Я дал.

Утром спрашиваю:

– Как дела на любовном фронте, Никитич?

– Ой, и не говори! – огорчённо сказал босс. – Сидели, выпили, поговорили про музыку...

– Про музыку? – удивился я.

– С тонким намёком, разумеется. Типа, пианистка на рояле, ох и склизкая штука! Потом... лежит Эля в моей кровати... голенькая. Красивая, стерва, слов нет. Сел я напротив, люблюсь тихо... И тут комиссар заходит!

– Bay! – восклицаю по-английски. – Надо было дверь на ключ закрыть.

– И не говори, увлёкся, понимаешь... А помполит говорит ей: «Эля, принеси капитану нарезочки, пожалуйста. И срочно». Культурный, сволочь!

Любви у начальника с Элей так и не вышло. А свой долг, две бутылки «тропикана», он мне простил.

Французские бараны

На соседнем причале были пришвартованы два траулера. Их пригнали французы, чтобы передать рыбакам Хайфона. Мы частенько выпивали с французами в интерклубе. И на брудершафт, и просто так. Однажды, возвращаясь на судно, зашли к ним в гости. Старпом хорошо говорил по-английски и пытался рассказывать анекдоты. Неосторожно посетовал на кормёжку – у нас заканчивались продукты, а в бедной стране чего-либо купить из снеди было проблематично. Я больше молчал или восхищенно говорил по-французски:

– Жорж Сименон. О!

– Достоевский. О!

– Комиссар Мэгрэ. О!

– Комиссар Бройко – говно! – встрял в беседу второй пом.

– What's govno? – спросил Жулиан, ихний супервайзер.

Тут же ревизор написал французам краткий разговорник из обиходных матерных слов.

С собой мы унесли миниатюрную копию Эйфелевой башни и несколько порнографических журналов, спрятанных под майками.

Эта история имела продолжение.

Через полчаса к нашему трапу прибыла группа иностранных моряков. Их было трое. Каждый нёс на плече тушу барана, обернутую целлофаном. Процессию возглавлял Жулиан. Дорогу им преградил комиссар Бройко:

– Донт волк! – сказал он. – Янки, го хоме!

Французы что-то тараторили на своем языке. Наконец, Жулиан перешёл на английский:

– Вы очень голодные, – сказал он. – Будет лучше, если мы отдадим мясо вам, чем оставим его вьетнамцам.

– Нормандия-Неман! – воскликнул другой.

Вышел капитан. Он говорил недолго, но громко. О проблемах с карантинными властями, о дружбе между народами, и о том, что у нас всего своего завались. Под конец прорычал: «No! No!! No!!!»

Жулиан обиделся и выпучил глаза. Его рот превратился в узкую щёлку. Француз вынул из нагрудного кармана листок бумаги, взглянул на него и чётко произнес:

– По-щъ-ёл на х..!

После этого он скинул баранью тушу в воду, рядом с бортом. Его примеру последовали другие. Расстроенные французы молча ушли. Никто не оглянулся.

Меня вызвал к себе комиссар. Он выглядел строгими и усталым.

– Рассказывай о своих контактах с иностранцами, Абинский.

– Чего рассказывать?... Посидели, поговорили...

– О чём говорили?

– Про Достоевского, Сименона упомянули...

– Про женщин?

– Ну да, про Анну Каренину тоже.

– А бараны?

– Про баранов ни слова.

– Пиши объяснительную, Абинский. Вы опозорили нашу страну перед этими лягушатниками, перед всей Францией, перед всем цивилизованным человечеством! Соответствующие выводы будут сделаны. Можешь не сомневаться.

Я и не сомневался. За такую политическую близорукость меня разве что не расстреляют.

– С такой характеристикой тебя в тюрьму не возьмут, – пообещал на прощание комиссар. Объяснительную я так и не написал. Комиссару сказал в упор:

– Зачем я буду клепать на себя?!

В душе я ещё был матросом. И в этой душе закипала лютая пролетарская ненависть.

У старпома пропала материальная книга. В краже Сан Саныч подозревал деда. Но, не пойман – не вор. Амбарная книга была главным документом для сдачи имущества перед разделкой судна на металлолом. Ещё один повод, чтобы прижучить старпома. Саныч целыми днями корпел над накладными, восстанавливая важный документ. Надо было спешить, переход до Владивостока займёт две недели.

Капитан редко появлялся в радиорубке, но каждый раз придирался к чему-либо и хамил. Я отвечал тем же, терять мне было нечего. Мой начальник подвизался к комиссару секретарём-машинисткой – там шили дело. Как-то я спросил напролом:

– Никитич, чего там про меня?

– Не обольщайся на свой счёт, Андрюха, – успокоил меня начальник. – Ты мелкая сошка. Про тебя так, скользом.

– В какую струю попадёшь, – говорю, – а то и не отмоешься. Характеристику мне напишите?

– Пиши сам, я подмахну. А вот мастер...

Характеристику я сочинил, как на героя Советского союза. Не был, не замечен, не состоял, аккуратен, в быту опрятен, с хорошими морскими качествами и светлой головой. В конце нагло рекомендовал себя на должность начальника радиостанции. Никитич подписал её не раздумывая.

Теперь предстояло заручиться подписью капитана. А это, как я справедливо полагал – дохлый номер. Здесь нужно было не торопиться и выбрать подходящий момент.

Уже неделю мы собирали для мастера поздравительные РДО. Завтра ему стукнет шестьдесят лет. «Пенсионер в расцвете сил», – сказал на этот счёт комиссар и велел нарисовать к юбилею ветерана красочную стенгазету.

Местный художник изобразил на листе ватмана титаническую фигуру с лицом Вагнера, держащую на вытянутых руках наш лайнер. При этом пароход был больше похож на судно, чем морда Вагнера на его лицо. По верху рисунка арабской вязью был написан подхалимский стишок с напутствием от парткома, профкома и всего благодарного экипажа.

Вечером, в разгар юбилейного банкета, я постучал в каюту мастера. Дубовая роцца, разбавленная пёстрыми березками (судовыми красавицами), была в полном составе.

Скромно, потупив взор, я поздравил юбиляра и вручил ему пачку РДО. Потом почтительно протянул лист со своей характеристикой.

– Охо-хо! – ехидно воскликнул мастер, пробежав глазами текст. Потом обратился к честной компании:

– Ну что, джентльмены, подпишем Маркони челобитную?

– Я, в общем-то, не против, – осторожно вымолвил комиссар. – Начальник Абинского хвалит...

– Андрюха славный парень, – фамильярно сказала Оля Балиж. – И комсомолец к тому же...

– Тебя как раз и не спрашивают! – оборвал её мастер

– Ладно, пусть живёт, – угрюмо согласился дед.

Капитан быстрым росчерком поставил свою министерскую подпись. Я вежливо поблагодарил всех за оказанное доверие и вышел. Рюмку мне не предложили.

На следующее утро капитан появился в дверях радиорубки. Я как всегда долбил на пишущей машинке. Вагнер дождался, когда я поставлю последнюю точку и сказал:

– Дайте вашу характеристику.

От него сильно разило вчерашним.

Я выдернул из журнала вложенный лист и подал мастеру. Кэп не спеша сложил его вчетверо и спрятал в карман.

– Вам ещё рано быть начальником, – презрительно сказал вершитель судеб. По трапу застучали его подкованные ботинки.

– Чтоб ты провалился, зараза! – тихо пожелал я вслед.

Вчерашний банкет был последним мирным днем в дубовой роще. Говорили, что мастер и старший механик не поделили красивую Элю. Кэп перестал здороваться с дедом, а тот старался не встречаться с ним в кают-компании.

Через неделю мы пришли в Находку и бросили якорь в бухте Америка. На сопках кудрявилась первая зелень, пригревало весеннее солнышко.

– East or West, home is best! – сказал старпом.

– Что это? – спросил я.

– В гостях хорошо, а дома лучше!

Никто ещё не знал, какую свинью задумал подложить нам старший помощник.

При оформлении судна властями Клийман заявил, что уже неделю мается с животом и не слазит с унитаза. В то время очень опасались бацилл дизентерии, привезённых из тропического Вьетнама. Наш «Либертос» поставили на карантинную стоянку и вывесили жёлтый флаг. Клиймана забрали на берег, дабы старпом не сеял заразу среди экипажа.

Всё хорошее быстро заканчивается, а плохое тянется долго. Целую неделю мы парились на рейде, поглядывая на недостижимый берег. Каждое утро на катере приезжали медики, ставили всех буквой «Г» и чего-то пихали в задний проход. Унизительная процедура.

Наконец, объявили, что «корабль чист» и нас поставили к причалу. После короткой стоянки в Находке, судно должно было следовать во Владивосток и начальник отпустил меня домой.

– Через три дня будем во Владике, – сказал Никитич, – там и уйдёшь с миром...

– С волчьим билетом, – уточнил я.

Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Утром я допивал кофе у своей будущей тещи и плотоядно поглядывал на юную Клаву. Позвонили в дверь, явился гонец из кадров.

– Абинский, за тобой прислали, – сказал он. – Дуй срочно в кадры!

– Зачем? – насторожился я, вспоминая свои прошлые грехи.

– Не знаю. Там скажут.

Нищему собраться – подпоясаться. Через полчаса я предстал перед инспектором в Отделе кадров.

- Пять минут на сборы, – сказал мне инспектор, – и в Находку, на судно!
- Что случилось?
- Начальник рации заболел. Нужно перегнать судно во Владивосток.
- Дизентерия?
- Нет, там увидишь.

Я оседлал «Комету» и её подводные крылья донесли меня до Находки за два часа. «Либертос» с обвисшими концами стоял у причала. Мне он показался до боли родным.

В коридоре судна я встретил капитана.

– Приехал? Хорошо, – хмуро сказал он. – Зайди к начальнику. Налей ему водки – убью!

Вконец озадаченный я постучал в каюту Орлова и, не дождавшись ответа, вошёл.

На кровати из под солдатского одеяла торчала голова египетской мумии. В дырке желтых бинтов блестел один глаз и угадывалась чёрная впадина рта.

- Андрюха, – сдавленным голосом просипела мумия, – выпить есть? Дай, иначе умру.
- Нельзя вам, Юрий Никитич. К тому же мастер обещал мне за это голову оторвать.
- Ну хоть закурить дай, – жалобно попросил начальник.

Я прикурил сигарету и протянул больному. Никитич выпростал из-под одеяла руку и сбитыми пальцами ухватил сигарету. Мне было искренне жаль его.

- Где вас угораздило, Никитич?
- На аллее...
- ?
- В Алее Мужества... шёл из кабака... пиджак там забыл.

Всё стало понятно. В Находке к морскому вокзалу ведет длинная тенистая аллея. Ходить по ней вечером одному и без оружия равносильно самоубийству. Лихие разбойники караулили подвыпивших моряков и частенько грабили. Там Никитича раздели и разделали под хохлому. Он лишился часов, денег и дополз до судна в одних трусах.

– Жене позвони, – попросил меня Никитич. – Пусть приедет. И пиджак заberi в кабаке. В раздевалке забыл по пьяне...

- Жене-то как сказать?
- Скажи заболел... Скажи дипломатично... ну... немного побили.

После обеда я посетил ресторан «Находка». Кожаный пиджак начальника мне отдали без проблем. На вокзале из автомата позвонил во Владивосток:

- Вера Петровна, – сказал я в трубку. – Юрий Никитич просил вас приехать...
- Что случилось? Почему сам не звонит?
- Заболел немного...
- Как заболел? Говорят, у вас дизентерия!
- Не... его побили маленько.
- А-а-а! Опять надрался! Нашёл приключений на свою ж...!
- Что ему передать? – спрашиваю.
- Пусть даже не мечтает! – зло ответила женщина. – Никуда ехать я не собираюсь!

Длинные гудки...

Я пересказал наш разговор Никитичу.

– Приедет, – просипел он и махнул ослабевшей рукой.

Вера Петровна приехала вечером. С собой притащила две туго набитые авоськи. Однако, войдя в каюту, обнаружила только смятую постель и клочок окровавленного бинта на подушке. Начальник исчез.

В панике женщина бросилась к капитану.

– Как бы на себя руки не наложил, – забеспокоился мастер. С головой у него не в порядке. Потом успокоил: – Не переживайте, вы красивая женщина, найдёте себе другого...

После долгих поисков начальника обнаружили в прачечной. Из-за стиральной машины торчала скрюченная забинтованная нога. Орлов был мертвецки пьян.

Поздно вечером мы двинулись из Находки во Владивосток. Я передал отходные радиogramмы и даже вздремнул в кресле. В радиорубку дважды заходил Вагнер.

– Спишь? – спрашивал он.

– Сплю, – нагло отвечал я, не поворачивая головы.

Моё вахтенное время ещё не началось.

На рейде Владивостока к нам подвалил катер и из него высадились многочисленная толпа: важные чиновники из пароходства, радостные подруги и жёны моряков, а также три партийных работника при шляпах и галстуках.

Дело в том, что на судне нашлась добрая душа и накатала «телегу» в партком пароходства о художествах капитана в течение рейса. А грехов за ним водилось немало.

Партийные товарищи представились, сухо поздоровались с капитаном и начали беседовать наедине с членами экипажа. Под интервью первыми попали женщины.

В радиорубку позвонил капитан:

– Зайдите ко мне. – сказал он.

Я зашёл. Мастер взял со стола лист бумаги и протянул мне. Это была моя характеристика.

– Вас спасло, только то, что вы любите свою профессию, – напыщенно сказал кэп.

Я не поблагодарил его и вышел не прощаясь.

Мне было известно, что спасло опального Маркони. Капитан заботился партийных разборок. Зачем ему лишний враг? Ведь радисты знают всё о всех и больше всех.

В приподнятом настроении я шагал к проходной. Я попрощался с «Либертосом», в последний раз поговорил с аппаратурой и выключил главный рубильник. Впереди был отпуск и, если не передумает Клава, у нас будет свадьба.

Навстречу ковылял комиссар Бройко. «Это к дождю», – подумал я.

– Списались? Собираетесь в начальники? Рад, очень рад за вас! Одно лишь будет напутствие...

– ?

– Не будьте слишком резким, – сказал Бройко и протянул мне руку.

Я пожал её.

На этом история не заканчивается. Через три дня, гуляя по Ленинской, я встретил инфицированного старпома.

– Сан Саныч, – радостно приветствовал я его, – вы уже на свободе? А как же бациллы?

– Не было никаких бацилл, Андрюха. В тот же день я сорвался во Владик и, когда комиссар приволок в партком папку с моим «Делом», ему сказали:

«Таки такого Клиймана у нас нет. Буквально вчера он уволился из ДВМП и перевёлся в АСПТР». Эффект представляешь?

– Ну, вы и жулик! – восхищенно сказал я. – За такой финт можно простить нашу отсидку в карантине.

– Классика! – скромно ответил чиф.

Но и это ещё не конец истории.

После отпуска в коридорах пароходства я столкнулись со старшим механиком Садыковым. Отступать было некуда. К моему удивлению, Борис Зурабович встретил меня чуть ли ни с объятьями. Его распирало от желания поделиться с кем-нибудь своей подлянкой. После обычного: «Ты где? Вы как?», дед, заливаясь смехом, рассказал:

– В тот день на рейдовом катере приехала к мастеру жена. А я-то знал, что он в это время западает с поварихой! Проводил даму до каюты, открыл дверь ключом-вездеходом и впихнул её туда.

– Боже ж ты ж мой!

– Ты не поверишь! Бой быков! Последний день Помпеи! Баба вылетела из каюты, как пуля! Едва не сбила меня с ног и успела вскочить на тот же катер, на котором приехала! Финита, бля, комедия!

3 декабря. 1999 года. Пятница.

Движемся из Анадырского залива к мысу Наварин.

Радиорубка просторная с круглой трубой пиллерса посередине. За него удобно цепляться во время качки. Три стола. На них два приёмника «Циклоида». Оба на издыхании. Передатчик «Бриг-2», раздёрганный донельзя. Два радара «Наяда». Один из радаров мертвый, с убитым редуктором антенны, второй видит крупное судно не далее, чем за 10 миль, а за 16 не видит хороший скалистый берег. Мой рабочий день 16—18 часов.

Попал ты, Андрюша, как кур в ошип!

4 декабря 1999 года

«Розалинда» – единственное судно компании «Bananas & Electronics», принадлежащее непонятно кому и зарегистрированное под флагом великой морской державы Монголии.

Красавица «Роза» – древняя старушка и страдает всеми возможными недугами: машина имеет дурную привычку стопориться в самый неподходящий момент, электричество пропадает два-три раза в сутки, но в разное время и к этому трудно привыкнуть.

Пресная мытьевая вода утекает по неведомым трубам в черную дыру и на судне всегда действует режим жёсткой экономии. Вода включается два раза в сутки и только в душевые. Чтобы почистить зубы, приходится снимать штаны.

Вдобавок, на судне сборно-подзаборный экипаж. Бывшие таксисты, дизелисты и сельские механизаторы с Сахалина, купившие морские дипломы в пешеходных переходах острова.

Кроме того, судно оккупировали несметные стаи тараканов и полчища крыс. Мы с ними пытались бороться, но потерпели поражение. Буфетчица боится спуститься в прачечную и требует сопровождающего с дубинкой.

Однажды, я сказал старпому:

– Максимум, через год «Роза» утонет.

– Не каркай! Накаркаешь беду, – лениво возмутился чиф.

– Это неизбежно, как крах капитализма. Одно утешает – нас с тобой здесь уже не будет. Капитан судна, Мансур Габдулхаевич Габдулхаев, из опальных. Его выгнали из САХМП за пьянство, однако и здесь его любовь к зеленому змию не пропала. Бывает, кэп уходит в загул на неделю, а очнувшись, проявляет нездоровую суетность и рабочий зуд.

Как все пьющие люди, он нервный и подозрительный:

– Начальник, вот, чувствую, ты на меня стучишь! – сказал мне кэп после очередного запоя.

– Увольте-с, Мансур Габдулхаевич, тут и без меня есть кому стучать, – отшучивался я. Я долго тренировался, чтобы бегло произносить: Мансур Габдулхаевич.

4 декабря. 1999 года. Суббота.

Моя каюта. В ней я только ночую и то не всегда. По штату, это пассажирские апартаменты. Каюту начальника радиостанции отдали супервайзеру и она пустует.

В моей обители протекает потолок и везде наблюдаются ржавые разводы. Мерзкий запах сырости и плесени. Есть холодильник «Саратов». Он пуст. Когда включается компрессор, агрегат шумит, как бригада рабочих, вооружённых отбойными молотками.

Спальня выглядит маленькой встроенной каюткой и отгорожена дубовыми жалюзи с большим прямоугольным окном. Тюлевые занавески, два иллюминатора. Имеется стол, диван, около дивана ещё один столик.

Стена над диваном завешана плакатами с голыми девицами. Я их пока не снимаю, будет ещё страшнее. В спальне кровать, две тумбочки, два кресла и зеркало. Есть рундук для одежды, но сумку я до сих пор не распаковал – некогда. Душ и туалет в коридоре, за углом.

Мы привезли рыбакам продукты и снабжение. Теперь раздаём это по судам. Параллельно грузим рыбную муку и мороженую рыбу, в основном, сельдь.

Экипаж в погрузке не участвует. Жаль, на этом можно заработать.

Погода наипаршивейшая, идёт снег, всё обледенело. Сильный ветер и постоянная болтанка. Вчера, в шторм, оборвалась антенна передатчика. Пришлось ночью, в темноте, балансировать на рейлингах и прилаживать антенну к изолятору. Как выжил, не знаю. Без этой антенны мы остались бы без связи. Спутниковая антенна, «башка», обледенела и терминал отказался работать.

5 декабря. 1999 года. Воскресенье.

День сталинской конституции. Первые потери – при установке кранцев пострадал боцман Мищенко. Ему тросом оторвало фалангу мизинца. Палец ему перевязала наша дневальная-фершал Людмила Степановна. Доктор с т/х «Новокотовск» наложил швы. На этом же пароходе бедолагу отправили в Пусан. Хороший мужик, опытный моряк. Ну, просто не повезло. Жаль...

Наша фершал-дневальная, Людмила Степановна, замечательная женщина. Старушке 55 лет, но она всегда бодрая и энергичная. Людмила Степановна благосклонно относится ко мне. Как-то, во время ночного завтрака нас кормили макаронами. Матрос Богдан пошутил:

– Людмила Степановна, а начальник любит бутерброды с колбасой!

Через пять минут женщина принесла мне толстенный гамбургер.

– А мне? – попросил матрос.

– Кушай макароны, Богдан, они сегодня жирные, – ответила дневальная.

– Каждому бы Степанычу, да по Степановне! – сказал Богдан.

Сегодня Людмила Степановна принесла мне радиogramму. Поздравляет подругу с Днём 8 марта. Говорю ей:

– Людмила Степановна, почему так рано? До праздника ещё три месяца!

– Андрей Степанович, говорят, что скоро радистов уберут с флота, как же я поздравлю подругу потом?

– Не волнуйтесь, меня не спишут с судна.

– Почему это?

– Я боюсь летать самолётом, Людмила Степановна. Сейчас копают туннель между Питером и Владивостоком. Так что я поеду на паровозе, а это будет не скоро.

Старушка колебалась не долго:

– На всякий случай, оставьте телеграмму у себя. А к празднику отбейте.

– Хорошо, я не забуду.

Забегая вперёд скажу, что своё обещание я выполнил.

За Людмилой Степановной пожаловала юная Шинкарёва. Однажды она до смерти напугала меня. Света Шинкарёва имела привычку ходить в туалет нагишом. Ночью, выйдя из-за угла я остолбенел, встретив голую женщину. Света спокойно обогнула меня и пошла по своим делам. Она со странностями – или лунатик, или была на автопилоте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.